

DOI: <https://www.doi.org/10.32523/2791-0954-2024-11-3-61-72>

Международно-правовые аспекты обеспечения соблюдения и защиты права на неприкосновенность частной жизни в период чрезвычайного положения

Лаворенко Сабрина Юрьевна

аспирант кафедры международного права, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,

Москва, Российская Федерация;

e-mail: lavorenko.98@mail.ru

ORCID: - ; JEL-code: K33 Международное право

Аннотация: Несмотря на то, что возможность отступления от международно-правовых обязательств в области защиты прав человека в период чрезвычайного положения предусмотрена во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. и иных документах, на практике возникают существенные правовые сложности при реализации данной процедуры.

Право на отступление по смыслу вышеуказанных документов предполагает, что ограничения прав человека будут носить вынужденный и естественный характер, наряду с их защитой. В частности, Всеобщая декларация прав человека 1948 г. в статье 29 указывает, что «...при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе». Однако государства зачастую злоупотребляют указанным правом (“abuse of right”), что приводит к нарушению фундаментальных прав человека.

В настоящей статье рассматриваются правовые основы обеспечения права на неприкосновенность частной жизни при введении чрезвычайного положения.

Ключевые слова: права человека, право на неприкосновенность частной жизни, Международный пакт о гражданских и политических правах, Комитет ООН по правам человека, международное право, чрезвычайное положение, вооруженный конфликт, отступление от обязательств

Төтенше жағдай кезінде жеке өмірге қол сұқпау құқығын сақтау мен қорғауды қамтамасыз етудің халықаралық-құқықтық аспектілері

Лоренко Сабрина Юрьевна

Халықаралық құқық кафедрасының аспиранты, Патрис Лумумба атындағы Ресей халықтар достығы университеті

Мәскеу, Ресей Федерациясы,

e-mail: lavorenko.98@mail.ru

ORCID: - ; JEL-code: K33 Халықаралық құқық

Түйіндеме: Төтенше жағдай кезінде адам құқықтарын қорғау саласындағы халықаралық-құқықтық міндеттемелерден ауытқу мүмкіндігі 1948 жылғы Адам құқықтарының жалпыға бірдей декларациясында, 1966 жылғы Азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пактіде және өзге де құжаттарда көзделгеніне қарамастан, іс жүзінде осы рәсімді іске асыру кезінде елеулі құқықтық қиындықтар туындайды.

Аталған құжаттардың мағынасы бойынша ауытқуға құқық адам құқықтарын шектеу оларды қорғаумен бірге болатынын және мәжбүрліктен, әрі табиғи сипатта болатынын білдіреді деп болжайды. Атап айтқанда, 1948 жылғы Адам құқықтарының жалпыға бірдей декларациясының 29-бабы мынаны көрсетеді: «...өзінің құқықтары мен бостандықтарын жүзеге асыруда әр адам тек басқа адамдардың құқықтары мен бостандықтарын тиісті түрде тану және құрметтеу мақсаты көзделген жағдайда ғана және демократиялық қоғамдағы моральдің, қоғамдық тәртіп пен игіліктің әділетті талаптарын қанағаттандыру мақсаты көзделген жағдайда ғана, заңмен белгіленген шектеуге ұшырауға тиіс». Алайда, мемлекеттер көбінесе бұл құқықты теріс пайдаланады (“abuse of right”), бұл адамның негізгі құқықтарын бұзуға әкеледі.

Мақалада төтенше жағдай енгізілген кезде жеке өмірге қол сұқпау құқығын қамтамасыз етудің құқықтық негіздері қарастырылады.

Негізгі сөздер: адам құқықтары, жеке өмірге қол сұқпау құқығы, Азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пакт, БҰҰ Адам құқықтары жөніндегі комитеті, халықаралық құқық, төтенше жағдай, қарулы қақтығыс, міндеттемелерден бас тарту

International legal aspects of ensuring respect and protection of the right to privacy during a state of emergency

Sabrina Y. Lavorenko

Postgraduate student of the Department of International Law of the Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lemumba,

Moscow, Russian Federation,

e-mail: lavorenko.98@mail.ru

ORCID: - ; JEL-code: K33 International law

Abstract: Despite the fact that the formal procedure for derogation from human rights obligations during a state of emergency is regulated by the Universal Declaration of Human Rights, the International Covenant on Civil and Political

Rights and other documents, nevertheless, in the event of emergencies and, if necessary, restrictions on human rights, there are gaps in the practical implementation of the derogation procedure.

The right to derogation within the meaning of the above-mentioned documents assumes that restrictions on human rights will be forced and natural, along with their protection. In particular, the Universal Declaration of Human Rights of 1948, in article 29, states that "... in the exercise of their rights and freedoms, everyone should be subject only to such restrictions as are established by law solely for the purpose of ensuring due recognition and respect for the rights and freedoms of others and meeting the just requirements of morality, public order and general welfare in a democratic society". However, states often abuse this right, which leads to the violation of fundamental human rights.

This article examines the legal basis for ensuring the right to privacy during a state of emergency.

Key words: human rights, right to privacy, International Covenant on Civil and Political Rights, UN Human Rights Committee, public international law, state of emergency, armed conflict, derogation from obligations

Введение. В рамках настоящего исследования были проанализированы теоретические основы процедуры отступления от обязательств, предусмотренной ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. (далее – МПГПП, Пакт). Цель исследования – дать международно-правовую оценку эффективности механизма отступления от обязательств в контексте обеспечения соблюдения и защиты права на неприкосновенность частной жизни. Задачами исследования являются анализ теоретических аспектов, систематизация научных наработок в области реализации права на отступление от международно-правовых обязательств.

Материалы и методы. Проведенное в рамках настоящей научной статьи исследование выполнено на основе анализа международно-правовых документов, включая акты, принятые в рамках международных межправительственных организаций в системе ООН. Особое внимание было уделено Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 г. как отправной точке для теоретического осмысления темы исследования. В ходе исследования были использованы следующие методы познания: общенаучные (анализ, синтез, обобщение, дедукция, индукция) и специальные (сравнительно-правовой, технико-юридический, формально-логический) в их различном сочетании.

Обсуждение. Статья 4 МПГПП [1] в общем виде уполномочивает государств- участников Пакта в случае угрозы жизни нации отступать от своих обязательств.

Данное положение общего характера дополняет ряд конкретных ограничений, содержащихся в некоторых других статьях МПГПП и относящихся к указанным в них случаям, где также упоминаются

«государственная безопасность» и «общественный порядок» (статья 12 МПГПП).

При введении чрезвычайного положения возникает неопределенность между сохранением фундаментальных ценностей демократического общества и правового государства с необходимостью в принятии гибких и эффективных мер. На наш взгляд, основная проблема состоит в квалификации чрезвычайной ситуации и последующем принятии тех или иных мер для защиты общества и государства.

Обращаясь к подходу Венецианской комиссии Совета Европы в квалификации чрезвычайной ситуации, она в Заключениях о чрезвычайном положении акцентирует внимание на необходимости адаптации государства к изменяющимся обстоятельствам. Поскольку при чрезвычайной ситуации государству, с одной стороны, необходимо быть догматичным и в то же время не устанавливать ограничения под предлогом эффективности, и продолжать сохранять ценности верховенства права, демократии и прав человека [1; С. 12].

Подход Венецианской комиссии Совета Европы базируется на анализе ситуаций, которые различны по своему характеру и содержанию, и нуждаются в разграничении. Поскольку одни, например, продиктованы событиями, наступившими по воле человека – чрезвычайное положение во Франции и последующий проект конституционного закона Франции после теракта в Париже в ноябре 2015 года [2]. Другие же вызваны стихийными бедствиями и иными природными явлениями – пандемия Covid-19, которая продемонстрировала, что некоторые риски нельзя предвидеть, и что бывают ситуации, носящие исключительный характер, которые требуют более «гибкого» подхода и правового режима, чем тот, который применяется в других случаях или в обычное время [1; С. 12].

Государство как правовой регулятор и как сторона, принимающая меры, направленные на обеспечение защиты прав и свобод человека с целью предотвращения последствий чрезвычайной ситуации, вправе принимать меры, которые соответствуют целям Пакта или других международных актов.

Принятые меры, в любом случае, должны подвергаться правовой оценке. На наш взгляд, международное сообщество не может оценивать серьезность ситуации, особенно техногенного характера, незамедлительно. Однако, по нашему мнению, отсутствует действенный механизм, позволяющий оценить правомерность и эффективность мер, принятых государствами, и после окончания чрезвычайного положения. Такая оценка нужна для выявления соответствия действий государств целям Пакта и других международных документов.

Так, Комитет ООН по правам человека на основании пункта (б) ч. 1 ст. 40 МПГПП и Генеральный секретарь Совета Европы в соответствии со ст. 57 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. должны ввести процедуру, которая бы подразумевала автоматическое предоставление государствами-участниками доклада в период разумного срока

с момента подачи уведомления об отступлении на основании соответствующего Договора с подробным обоснованием такого отступления [3; С. 718].

Тем не менее, есть сомнения относительно эффективности данного положения, поскольку, несмотря на то, что в уведомлении об отступлении государства должны отражать такие аспекты как цель, период действия ограничений, причины, права, действие которых приостанавливается, государства эти требования не соблюдают.

Интересным представляется механизм, предусматривающий обязательный запрос информации у неправительственных правозащитных организаций (далее – НПО) или других межправительственных организаций (далее – МПО), учет сообщений средств массовой информации, а также создание эффективной системы обмена информацией с другими МПО [3; С. 718].

В случае, когда договоры по защите прав человека не содержат прямого положения о праве на отступление, оно должно реализовываться с учетом принципов соразмерности и необходимости. В частности, это относится к Африканской хартии прав человека и народов (далее – Африканская хартия) [4], которая не содержит положений о праве на отступление от обязательств.

Применительно к праву на неприкосновенность частной жизни, анализ уведомлений, которые государства направляют Генеральному секретарю ООН, позволяет сделать вывод о том, что государства прибегают к отступлению от обязательств по ст. 17 МПГПП.

В частности, Намибия осуществляла право на отступление от своих обязательств ввиду эпидемии коронавируса (Covid-19). В уведомлении этого государства содержались все основные положения, которые государство должно соблюдать, пользуясь таким правом: цель и основание, нормы национального права, на основании которых приняты ограничения, а также соответствующие положения международного Договора. Принятые государством меры напрямую влияли на реализацию права на неприкосновенность частной жизни, хотя само уведомление отступление от обязательств по ст. 17 МПГПП не предусматривало. Так, государством были приняты меры для предотвращения дальнейшего распространения вируса, а именно, закрытие школ и высших учебных заведений, закрытие магазинов розничной торговли второстепенной важности, запрет на публичные собрания численностью более 10 человек, запрет на все несущественные авиаперелеты, ограничение поездок в регионы страны, а также по возможности осуществление дистанционного формата работы [7].

Государство указало, что ограничения коснулись реализации прав, закрепленных в ст. 12 (свобода передвижения) и ст. 21 (свобода собраний и свобода ассоциаций) МПГПП, и были введены на полугодовой срок [7]. Тем не менее, фактически данные меры коснулись реализации и права на неприкосновенность частной жизни.

Обращаясь к позиции, выработанной Европейским судом по правам человека (далее – ЕСПЧ) по ст. 8 Европейской конвенции по правам человека (далее – ЕКПЧ), в частности, в деле Фон Ганновер против Германии [8], понятие частной жизни не сводится только к «внутреннему миру» человека, но и предполагает развитие отношений с другими людьми [9].

Относительно указанных выше мер нельзя сделать вывод о том, что существовала объективная возможность «развивать отношения с другими людьми» в особенности, когда в государстве отсутствует баланс между принятием разумных мер в сочетании с таким же разумным временным промежутком, необходимым для предотвращения, в данном случае пандемии, и ограничением некоторых прав. По нашему мнению, то, что государства не информируют об отступлении от обязательств в области обеспечения защиты права на неприкосновенность частной жизни по ст. 17 МПГП, когда это фактически имеет место быть, является нарушением.

Государства во всех случаях должны руководствоваться принципами разумности и соразмерности, которые отражены, например в Парижских минимальных стандартах соблюдения обязательств в области прав человека в условиях чрезвычайного положения [5] (далее – Парижские стандарты), которые раскрывают содержание процедуры отступления.

Стоит отметить, что Парижские стандарты значительно расширяют перечень неотъемлемых прав и свобод, которые должны гарантироваться в полном объеме вне зависимости от наличия чрезвычайного положения. В развитие Парижских стандартов, Комитетом по обеспечению соблюдения законодательства в области прав человека Ассоциации международного права, были приняты Квинслендские руководящие принципы в отношении органов, осуществляющих мониторинг соблюдения прав человека во время чрезвычайного положения. Разработка этих принципов основана на идее, что многие нарушения прав человека имеют место как после официального объявления чрезвычайного положения, так и во время де-факто чрезвычайных ситуаций, в результате применения «обычных» законов и указов, которые жестко ограничивают основные права [6].

К чрезвычайным ситуациям, которые продиктованы событиями, наступившими по воле человека, можно отнести и вооруженные конфликты. В отношении вопроса о соотношении норм международного гуманитарного права (далее – МГП) и права прав человека (далее – МППЧ) в доктрине прослеживается несколько подходов.

Одной из таких теорий выступает конкурентная теория, согласно которой МППЧ не может применяться в период вооружённых конфликтов [11; С. 44], поскольку МГП является *lex specialis* [12] и в целом между МГП и МППЧ существуют различия в правовой природе, сущности, содержании и развитии [13; С. 1087].

Международный суд ООН (далее – МС ООН) неоднократно рассматривал вопрос об исполнении обязательств государствами по международным

договорам в период вооруженных конфликтов, например в своем Консультативном заключении относительно правовых последствий строительства стены на оккупированной палестинской территории [14]. В этом заключении МС ООН указал, что обязательства, принятые Израилем в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах и Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах (далее – МПЭСКП) [15], применяются на оккупированных территориях и что строительство барьера безопасности представляет собой «нарушение» Израилем различных обязательств по этим договорам [14].

Сторонники комплиментарного подхода настаивают на том, что нормы обеих отраслей частично пересекаются и взаимодополняют друг друга [16; С. 161]. В частности, Международный Комитет Красного Креста (далее – МККК) указывает, что в период вооруженных конфликтов международное гуманитарное право и право прав человека дополняют друг друга, и при этом являются самостоятельными [17], так как МГП – это основа оценки законности применения силы против законных целей в международных вооруженных конфликтах.

Как отмечено выше, обе отрасли, несмотря на различие в формулировках, всё же в некоторых аспектах совпадают по своему смыслу. Цель международного гуманитарного права и международного права прав человека – защита жизни, здоровья и достоинства человека, запрет пыток и негуманного обращения, запрет дискриминации. Тем не менее, МГП включает аспекты, которые находятся за пределами регулирования МППЧ, а именно правила ведения военных действий, статус участников вооружённого конфликта; а МППЧ регулирует отношения в мирное время, на которые действие МГП не распространяется, к ним относятся: право на неприкосновенность частной жизни, свобода прессы, право на мирные собрания, на участие в голосовании и забастовку.

На наш взгляд, определить взаимосвязь между указанными отраслями возможно с помощью анализа текстов международных договоров.

МПГПП (ст. 4), Европейская конвенция по правам человека (ст. 15), Американская конвенция о правах человека (ст. 27) не исключают применение других норм международного права, но даже предусматривают их применение, закрепляя положение о том, что применяемые во время чрезвычайного положения меры, не должны быть несовместимы с их иными обязательствами по международному праву.

Замечание общего порядка № 29 Комитета по правам человека подтверждает изложенную выше позицию и демонстрирует возможность применения положений Пакта в ситуациях вооруженного конфликта, к которым применимы нормы международного гуманитарного права и указывает на взаимодополняющий характер двух отраслей, о которых идет речь [18].

В Дополнительном протоколе к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающемся защиты жертв международных вооруженных конфликтов

(далее – Протокол I), содержатся положения, которые, напротив, так же показывают взаимодополняющий характер двух отраслей. Например, в ст. 72 Протокола I отмечается, что положения Протокола являются дополнением не только к нормам, содержащимся в Четвертой конвенции, но и к другим применяемым нормам международного права, относящимся к защите основных прав человека в период международных вооруженных конфликтов [19]. Статья 75 Протокола I регламентирует отсутствие какого-либо ограничивающего или ущемляющего характера статей Протокола в отношении применения положений, предоставляющих большую защиту в соответствии с любыми применяемыми нормами международного права.

В Преамбуле Дополнительного протокола, касающегося защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов (далее – Протокол II) прямо предусмотрено, что международные документы, касающиеся прав человека, предоставляют основную защиту человеческой личности [19].

Некоторые формулировки из договоров по международному гуманитарному праву невозможно применять без отсылки к нормам права прав человека, например, когда речь идёт о «судебных гарантиях, признанные цивилизованными нациями» (п. d ч. 1 ст. 3) [20]. Помимо этого, в ст. 3 Женевских конвенций 1949 года закреплён запрет на осуществление действий, которые приводят к посягательству на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности всякие виды убийства, увечья, жестокое обращение, пытки и истязания; взятие заложников; посягательство на человеческое достоинство, в частности оскорбительное и унижающее обращение; осуждение и применение наказания без предварительного судебного решения, вынесенного надлежащим образом учрежденным судом, при наличии судебных гарантий, признанных необходимыми цивилизованными нациями [20].

Это показывает своего рода корреляцию между нормами МПП и МППЧ, поскольку как в универсальных, так и региональных актах о правах человека закреплены права, соблюдение которых государство должно гарантировать в любое время.

Следует отдельно отметить, что необходимо дифференцировать потенциальных жертв вооруженного конфликта – комбатантов и некомбатантов [21; С. 35]. Гибель некомбатантов в результате военных действий недопустима, что предполагают нормы Женевских конвенций и протоколов к ним и, что показывает основное сходство между рассматриваемыми нормами.

Результаты и выводы. В результате применения ст. 4 МППП возникают два основных вопроса: во-первых, действительно ли существовала угроза для ценностей, защита которых обеспечивалась посредством отступления от международно-правовых обязательств в области защиты прав и свобод человека; во-вторых, являются ли положения законодательства и принятые на их основе меры действительно необходимыми для защиты таких ценностей. На наш взгляд, для оценки реализации права на неприкосновенность частной

жизни государствами в период чрезвычайного положения наиболее оптимальным представляется механизм, позволяющий дать оценку принятым мерам в период их непосредственного действия. Более того, государствам следует направлять уведомления незамедлительно, а не после фактического принятия и для «условного» соблюдения формальных требований статьи 4 МПГПП.

Список литературы

1. Бази-Малори К. Цели и задачи режима чрезвычайного положения: подход Венецианской комиссии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. № 1. – С. 10-12.
2. Opinion on the Draft Constitutional Law on "Protection of the Nation" of France adopted by the Venice Commission at its 106th Plenary Session (Venice, 11-12 March 2016) // COE [Electronic resource]. – URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2016\)006-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2016)006-e) (Дата обращения: 18.07.2024 г.).
3. Lillich R. B. Queensland Guidelines for Bodies Monitoring Respect for Human Rights During States of Emergency // American Journal of International Law. 1991. Vol. 85. №. 4. Pp. 716–720
4. African Charter on Human and Peoples' Rights // COE [Electronic resource]. – URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/36390-treaty-0011_-_african_charter_on_human_and_peoples_rights_e.pdf (Дата обращения: 18.07.2024 г.).
5. Lillich R. B. The Paris minimum standards of human rights norms in a state of emergency // American Journal of International Law. 1985. Vol. 79. №. 4. Pp. 1072-1081.
6. Lillich R. B. Queensland Guidelines for Bodies Monitoring Respect for Human Rights During States of Emergency // American Journal of International Law. 1991. Vol. 85. №. 4. Pp. 716–720
7. Note verbale. July 06, 2020. Document UN CN303.2020.TREATIES-IV.4.
8. Case «Von Hannover v. Germany (No. 2)» (Applications nos. 40660/08 and 60641/08) : the official text [Electronic resource]. – URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-109029%22%5D%7D> (Дата обращения: 12.07.2024 г.).
9. Guide on Article 8 of the European Convention on Human Rights // COE [Electronic resource]. – URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/guide_art_8_eng (Дата обращения: 22.06.2024 г.).
10. McCann G. International human rights and global welfare in the midst of the COVID-19 pandemic // COVID-19 in the Global South. Bristol University Press. 2020. Pp. 29-38.

11. Русинова В.Н. Теории соотношения норм международного гуманитарного права // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2014. № 1. С. 43–56.

12. Inter-American Commission on Human Rights (IACCommHR), *Coard and Others v the USA*. September 29, 1999.: official text [Electronic resource]. URL: <http://www.cidh.org/annualrep/99eng/merits/unitedstates10.951.htm> (Дата обращения: 17.07.2024 г.).

13. Meyrowitz H. *Le droit de la guerre et les droit de l'homme* // *Revue du droit public et de la science politique en France et a l'etranger*. 1972. № 88. P. 1059-1104.

14. A/ES-10/273 *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory* [Electronic resource]. URL: <https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-178825/> (Дата обращения: 17.07.2024 г.).

15. *Международный пакт о гражданских и политических правах*. Принят резолюцией 2200 (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. // *Основные международные договоры по правам человека*. Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк и Женева, 2014 / Документ ООН ST/HR/3/Rev.1. – С. 63–90.

16. Gasser H. P. *International humanitarian law and human rights law in non-international armed conflict: joint venture or mutual exclusion?* // *German Yearbook of International Law* / ed. by J. Delbrück. Berlin: Duncker & Humblot, 2002. Vol. 45. Pp. 149–162.

17. МГП и другие правовые режимы: кратко о главном // *Международный Комитет Красного Креста* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icrc.org/ru/document/mgp-i-drugie-pravovye-rezhimy?ysclid=lpffkchmsm297772635> (Дата обращения: 06.07.2024 г.).

18. CCPR General Comment No. 29: Article 14 // UN [Electronic resource]. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/TreatyBodyExternal/TBSearch.aspx?Lang=en&TreatyID=8&DocTypeID=11 (Дата обращения: 04.07.2024 г.).

19. *Дополнительный протокол от 8 июня 1977 г. к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов (Протокол II)*. Действующее международное право : офиц. текст. – Т. 2. – М.: Московский независимый институт международного права, 1997. С. 793–803.

20. *Женевская Конвенция от 12 августа 1949 г. об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (Конвенция I)*. Действующее международное право : офиц. текст. – Т. 2. – М.: Московский независимый институт международного права, 1997. – С. 603–625.

21. Черняк А. З., Ивлева М. Л. *Убийство на войне как этическая проблема* // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*

References

1. Bazi-Malori K. Celi i zadachi rezhima chrezvychnogo polozheniya: podhod Venecianskoj komissii // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2022. № 1. – S. 10-12.
2. Opinion on the Draft Constitutional Law on "Protection of the Nation" of France adopted by the Venice Commission at its 106th Plenary Session (Venice, 11-12 March 2016) // COE [Electronic resource]. – URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2016\)006-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2016)006-e) (Data obrashcheniya: 18.07.2024 g.).
3. Lillich R. B. Queensland Guidelines for Bodies Monitoring Respect for Human Rights During States of Emergency // American Journal of International Law. 1991. Vol. 85. №. 4. Pp. 716–720
4. African Charter on Human and Peoples' Rights // COE [Electronic resource]. – URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/36390-treaty-0011_-_african_charter_on_human_and_peoples_rights_e.pdf (Data obrashcheniya: 18.07.2024 g.).
5. Lillich R. B. The Paris minimum standards of human rights norms in a state of emergency // American Journal of International Law. 1985. Vol. 79. №. 4. Pp. 1072-1081.
6. Lillich R. B. Queensland Guidelines for Bodies Monitoring Respect for Human Rights During States of Emergency // American Journal of International Law. 1991. Vol. 85. №. 4. Pp. 716–720
7. Note verbale. July 06, 2020. Document UN CN303.2020.TREATIES-IV.4.
8. Case «Von Hannover v. Germany (No. 2)» (Applications nos. 40660/08 and 60641/08) : the official text [Electronic resource]. – URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-109029%22%5D%7D> (Data obrashcheniya: 12.07.2024 g.).
9. Guide on Article 8 of the European Convention on Human Rights // COE [Electronic resource]. – URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/guide_art_8_eng (Data obrashcheniya: 22.06.2024 g.).
10. McCann G. International human rights and global welfare in the midst of the COVID-19 pandemic // COVID-19 in the Global South. Bristol University Press. 2020. Pp. 29-38.
11. Rusinova V.N. Teorii sootnosheniya norm mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2014. №. 1. S. 43–56.
12. Inter-American Commission on Human Rights (IACommHR), Coard and Others v the USA. September 29, 1999.: official text [Electronic resource]. URL: <http://www.cidh.org/annualrep/99eng/merits/unitedstates10.951.htm> (Data obrashcheniya: 17.07.2024 g.).

13. Meyrowitz H. Le droit de la guerre et les droit de l'homme // *Revue du droit public et de la science politique en France et a l'etranger*. 1972. № 88. P. 1059-1104.

14. A/ES-10/273 Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory [Electronic resource]. URL: <https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-178825/> (Data obrashcheniya: 17.07.2024 g.).

15. Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskih i politicheskikh pravah. Prinyat rezolyuciej 2200 (XXI) General'noj Assamblei ot 16 dekabrya 1966 g. // *Osnovnye mezhdunarodnye dogovory po pravam cheloveka. Organizaciya Ob"edinennyh Nacij. N'yu-Jork i Zheneva, 2014 / Dokument OON ST/HR/3/Rev.1. – S. 63–90.*

16. Gasser H. P. International humanitarian law and human rights law in non-international armed conflict: joint venture or mutual exclusion? // *German Yearbook of International Law / ed. by J. Delbrück. Berlin: Duncker & Humblot, 2002. Vol. 45. Pp. 149–162.*

17. MGP i drugie pravovye rezhimy: korotko o glavnom // *Mezhdunarodnyj Komitet Krasnogo Kresta [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.icrc.org/ru/document/mgp-i-drugie-pravovye-rezhimy?ysclid=lpffkchmsm297772635* (Data obrashcheniya: 06.07.2024 g.).

18. CCPR General Comment No. 29: Article 14 // UN [Electronic resource]. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/TreatyBodyExternal/TBSearch.aspx?Lang=en&TreatyID=8&DocTypeID=11 (Data obrashcheniya: 04.07.2024 g.).

19. Dopolnitel'nyj protokol ot 8 iyunya 1977 g. k Zhenevskim konvenciyam ot 12 avgusta 1949 g., kasayushchijysya zashchity zhertv nemezhdunarodnyh vooruzhennyh konfliktov (Protokol II). *Dejstvuyushchee mezhdunarodnoe pravo : ofic. tekst. – T. 2. – M.: Moskovskij nezavisimyj institut mezhdunarodnogo prava, 1997. S. 793–803.*

20. Zhenevskaya Konvenciya ot 12 avgusta 1949 g. ob uluchshenii uchasti ranennyh i bol'nyh v dejstvuyushchih armiyah (Konvenciya I). *Dejstvuyushchee mezhdunarodnoe pravo : ofic. tekst. – T. 2. – M.: Moskovskij nezavisimyj institut mezhdunarodnogo prava, 1997. – S. 603–625.*

21. Chernyak A. Z., Ivleva M. L. Ubijstvo na vojne kak eticheskaya problema // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*